

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-100>

КУЛЬТУРНЫЙ РАЗРЫВ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ: ОТ УТРАТЫ ОБЪЕКТИВНЫХ ОСНОВАНИЙ К РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «КОНСТРУИРУЕМОГО ФЕНОМЕНА»

А. Н. Минченко

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

e-mail: ma-n@bk.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена современным мультикультурализмом, в условиях которого накопление разнообразных различий и противоречий нередко приводит к образованию культурных разрывов, являющих собой в совокупности конфликтогенный феномен. Ресурс актуальности связан ещё и с тем, что при конструктивном преодолении противоречий культурный разрыв способен порождать созидательные преобразования

Целью исследования является философское осмысление феномена культурного разрыва, способов его проявления в бытии человека информационной эпохи. Для достижения цели проведен основанный на системном и сравнительном подходах философский анализ проявлений существенных признаков данного феномена в условиях доинформационной и информационной эпох, выявляющий тенденции формирования культурных разрывов. Их наличие было обнаружено, прежде всего, в нарастании интенсивности самих деструктивных процессов вследствие технологических, социальных и политических изменений, приводящих к утрате целостности культуры и нарастанию степени ее гетерогенности. В качестве оснований, обуславливающих такую динамику, выделены рост числа субъектов культуры и обособленных социокультурных общностей, появление их «цифровых» форм, расширение культурного пространства за счет новых виртуальных культурных «полей» и глобализации, умножение интерактивных возможностей для индивидов. Каталлизирующим фактором определено усиление поляризации и абсолютизации культурных противоречий как результат широких технологических возможностей: доступности изготовления аудиовизуального контента, эмоционально воздействующего на аудиторию, эрозии этических рамок коммуникации, обусловленной ее анонимностью в сетях, нарушением межпоколенческой преемственности социокультурного опыта. Проанализированные в статье масштабы и разнообразие практик деструктивного общения, дезинформации и ангажированной деятельности анонимных акторов в сети указывают на возникновение в современном культурном пространстве разрывов репрезентативного свойства. Основываясь на искусственно сформированном прерывании единящих культурных оснований и сконструированных культурных противоречиях, репрезентативные разрывы способны формировать новые отношения межкультурного антагонизма в цифровую эпоху.

Научная новизна исследования состоит в выявлении сущностных характеристик феномена культурного разрыва и трансформации его объективных оснований в условиях информационной эпохи, как преобразование в репрезентацию «конструируемого феномена», как референцию без референта.

Полученные результаты позволяют осуществить дальнейшее исследование, предполагающее выявление способов преодоления культурного разрыва в бытии человека информационной эпохи в условиях мультикультурализма, глобализации, цифровизации.

Ключевые слова: культурный разрыв, культурные различия, культурные противоречия, культурное многообразие, информационная эпоха, доинформационная эпоха.

Для цитирования: Минченко А. Н. Культурный разрыв в информационную эпоху: от утраты объективных оснований к репрезентации «конструируемого феномена» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 100–112 . – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-100>.

Original article

CULTURAL GAP IN THE INFORMATION AGE: FROM THE LOSS OF OBJECTIVE FOUNDATIONS TO THE REPRESENTATION OF THE «CONSTRUCTED PHENOMENON»

A. N. Minchenko

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia
e-mail: ma-n@bk.ru

Abstract. Relevance of research is defined by the fact that in the conditions of modern multiculturalism, the accumulation of various differences and contradictions often leads to the formation of cultural divides, which are a cumulatively conflicting phenomenon. However, if they constructively overcome the «cultural divide» can generate creative transformations.

The aim of the study is the philosophical comprehension of the phenomenon of the cultural divide, the ways of its manifestation in the being of the man of the information age. In order to achieve the goal, a philosophical analysis of the manifestations of the significant features of this phenomenon in the pre-informational and information epochs, based on the system and comparative approaches, has been conducted, revealing the trend of forming cultural divides. Their presence has been found primarily in the intensification of destructive processes themselves as a result of technological, social and political changes leading to the loss of cultural integrity and the growth of cultural heterogeneity. The growth of the number of subjects of culture and separate socio-cultural communities, the appearance of their «digital» forms, the expansion of the cultural space due to new virtual cultural «fields» and globalization, the multiplication of interactive opportunities for individuals are singled out as the reasons for such dynamics. The catalyzing factor is the increasing polarization and absolutization of cultural contradictions as a result of wide technological possibilities: availability of production of audio-visual content, emotionally affecting the audience, erosion of ethical framework of communication, due to her anonymity in networks, violation of intergenerational continuity of sociocultural experience. The scale and variety of destructive communication practices, disinformation and partisan activities of anonymous actors in the network, analyzed in the article, indicate the emergence of representative divides in the modern cultural space. Based on artificially formed interruption of the unifying cultural foundations and constructed cultural contradictions, representative divides can shape new intercultural antagonism relationships in the digital age.

The scientific novelty of the study lies in the fact that, based on the previously substantiated characteristics of the cultural divide, the transformation of the objective grounds of the cultural divide in the information age, including their transformation into a representative «the phenomenon being designed» as a reference without a referent.

Based on the results obtained, the study will continue in the direction of identifying ways to bridge the cultural divide in the life of the information age in the context of multiculturalism, globalization and digitalization.

Key words: cultural gap, cultural differences, cultural contradictions, cultural diversity, information age, pre-information age.

Cite as: Minchenko, A. N. (2025) [Cultural gap in the information age: from the loss of objective foundations to the representation of the «constructed phenomenon»]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 100–112. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-100>.

Введение

Культурное разнообразие является достоянием человечества, необходимым условием для его развития, подобным биоразнообразию для живой природы. При этом в условиях мультикультурализма «следует обеспечить гармоничное взаимодействие и стремление к сосуществованию людей и сообществ с плюралистической, многообразной и динамичной культурной

самобытностью»¹. Однако способы выполнения данной задачи не вполне ясны, особенно при современном уровне технологического развития в сфере обработки и передачи информации, который катализирует разнообразие культур [12].

Накопление культурных различий и противоречий может приводить к формированию качественного состояния культуры, называемого *культурным раз-*

¹ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 17.06.2024).

рывом, определенного нами как критически значимая утрата целостности некоторой области культуры вследствие целого ряда причин. На наш взгляд, к таким можно отнести разнородное развитие ее частей, характеризующееся прерыванием единящих культурных оснований, нарастанием, сонаправленностью (со-направлением), поляризацией и абсолютизацией культурных противоречий, обуславливающих возможность возникновения антагонистических отношений между представителями социокультурных общностей, разделенных указанным прерыванием [13]. Под единящими культурными основаниями при этом понимаются обеспечиваемые на уровне структуры и содержания универсалий культуры глубинные ценностные и смысловые взаимосвязи, поддерживающие взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование между представителями одной культуры, относящейся к обществу исторически определенного типа либо к более узкой социокультурной общности.

Актуальность представленного в настоящей статье исследования состоит в философском осмысливании феномена культурного разрыва в бытии человека информационной эпохи, что будет способствовать прояснению путей достижения гармоничного состояния современного социума в условиях мультикультурализма.

Фрагментация культуры доинформационной эпохи

Предложенное определение понятия культурного разрыва, на наш взгляд, позволяет систематизировать основные подходы к предупреждению возникновения исследуемого феномена и преодолению его негативных последствий.

Прежде всего, следует обратить внимание на актуальные тенденции развития культуры, приводящие к утрате ее целостности, в том числе сопоставить степень результирующей «фрагментированности» культуры современной и предшествующих эпох.

На протяжении всей истории развития человеческого общества, предшествовавшей наступлению информационной эпохи, разнородность и разнонаправленность развития различных областей культуры возникала в результате некоего обособления отдельных ее субъектов вследствие миграционных, геополитических, социально-экономических процессов, познавательных, ценностных и мировоззренческих изменений. При этом вокруг обособленной совокупности носителей культуры формировались физические или виртуальные границы и барьеры, разделяющие ранее единую систему воспроизведения и развития культуры, затрудняющие дальнейший культурный обмен и коммуникацию. Так развивалась культура общин,

этносов, государств, социальных слоев и сословий, политических групп, профессиональных сообществ, религиозных конфессий. Формировалась гетерогенная культурная среда, генерирующая, воспроизводящая и усиливающая культурные различия, создающая новые основания для идентификации «Свой – Иной». По мере наполнения ранее общих, единых универсалий культуры различным смысловым и ценностным содержанием, изменялась их структура, возникали «разрывы», препятствующие дальнейшему взаимопониманию между представителями разделенных социокультурных общностей. Нарушение взаимопонимания способствовало умножению культурных противоречий, «Иной» превращался в «Чужого», и по мере нарастания антагонизма – в «Чуждого». Источником противоречий сторонам виделись уже не объективные обстоятельства и рационально обусловленные интересы, но сама принадлежность субъекта к противоположному «полюсу» – «чуждой» культуре, как к источнику «негативных», «злонамеренных» или «враждебных» качеств всех ее носителей.

По мере развития человечества, выделения новых общин, формирования этносов, образования государств, возрастало количество обособленных субъектов культуры, и как следствие – разнородно развивающихся ее областей. Технологический прогресс способствовал разделению труда, профессиональной специализации, социальному расслоению. Накопление научного знания создавало барьеры эпистемологического свойства, обуславливающие невозможность достижения взаимопонимания в связанных с наукой областях культуры без получения специального образования. Духовное развитие порождало альтернативные ценностные установки, вокруг которых формировались новые социокультурные общности. Нарастание подобной фрагментированности культурного пространства обуславливало накопление культурных различий, умножение противоречий, образование новых культурных разрывов.

Однако в целом процесс рассматриваемой фрагментации культуры и увеличения числа культурных разрывов в доинформационную эпоху можно охарактеризовать преимущественно как количественные изменения. Поскольку при всей вариативности гетерогенной культуры, обособление ее субъектов ограничивается главным системообразующим фактором – необходимостью коммуникации между представителями конкретной социокультурной общности, как основы для преобразующего культуру их взаимодействия.

Свойства этой коммуникации, наиболее значимыми из которых, на наш взгляд, в рассматриваемом контексте выступают: ее скорость, интенсивность,

направленность, радиус действия и широта охвата, обусловлены возможностями перемещения носителя информации в пространстве, его доступностью аудитории и, следовательно, технологическими достижениями конкретной исторической эпохи. Так если звуковая волна голоса оратора или демонстрируемые символы требуют личного присутствия получателей информации в конкретном месте, то последующий пересказ от индивида к индивиду ограничен в числе итераций, поскольку влечет накопление искажений смыслового содержания, известное в обиходе как эффект «глухого телефона». Перемещение письменного источника в пространстве во многом исключает искажения, однако его доступность для восприятия ограничена числом распространяемых копий и грамотностью населения. С приходом индустриальной эпохи, распространением печати, появлением механического транспорта, телеграфа, радио, кинематографа, возможности коммуникации резко возросли, однако направленность и содержание ее наиболее передовых массовых форм носили односторонний и централизованный характер.

Особенности культурного разрыва в информационную эпоху

С наступлением информационной эпохи в возможностях коммуникации и культурогенеза произошел фундаментальный сдвиг, заложивший основы для качественно новой динамики фрагментации культурного пространства и образования культурных разрывов.

Прежде всего, речь идет о принципиально новом расширении культурного пространства за счет появления виртуальной реальности, а также глобализационных процессов. Доступная для восприятия индивида культурная среда стала несопоставимо шире среды предшествующих эпох. Во-первых, за счёт появления глобальной коммуникации, неограниченного быстрого (пусть даже и поверхностного) доступа к знаниям, накопленным за всю историю человечества, снижения языковых барьеров вследствие совершенствования технологий автоматического перевода. Во-вторых, за счёт возникновения виртуальной составляющей – целого мира, в котором можно «жить», общаться, заводить друзей, исследовать фантастические миры, обретшие воплощение в трёхмерной графике, переживать приключения, находить новые для себя смыслы и ценности. И в-третьих, за счет глобализации физического перемещения индивидов в пространстве – умножения возможностей для путешествий в другие страны, обусловленные технологическим и экономическим прогрессом, мировой социальной и экономической интеграцией.

Так, по мнению Д. Е. Прокудина, цифровые техно-

логии приводят к трансформации пространства культуры, порождая появление новых культурных полей – «электронной», «сетевой», «компьютерной» культуры и т. д. [15]. Инфокоммуникационные технологии, включая цифровые платформы и графические инструменты виртуальной реальности, создают возможности для практически безграничного интерактивного формирования новых культурных пространств множеством субъектов. Например, если раньше возможности построения фантазийных миров ограничивались односторонним взаимодействием между автором книги, графического произведения или рассказываемой истории и читателем (читателем, слушателем), то сегодня любой индивид, подключенный к глобальной сети или многопользовательской игровой платформе, способен внести реальный «совещественный» вклад в преобразование виртуального мира, открытый для обозрения и взаимодействия множеству других пользователей данной информационной системы.

Доступность для индивида столь расширенного культурного пространства, очевидно, создаёт основания для дальнейших изменений культуры. По мнению Н. В. Шалютиной, телевизор или монитор компьютера позволяют индивиду, не перемещаясь в географическом пространстве, ознакомиться с традициями и опытом народов иных культур, тем самым значительно расширяя его видение мира. Такое соприкосновение с иными культурами «стимулирует эрозию традиционных местных, этнических, национальных начал, корректирует восприятие культурных архетипов, на которых основано каждое общество» [18, с. 200].

Таким образом, современный плюрализм, во многом обусловленный взаимопроникновением ценностей и смыслов различных культур вследствие развития инфокоммуникационных технологий и процессов глобализации, ослабляет и девальвирует единящие культурные основания предшествующих эпох (религии, традиции предков, национальные идеи), тем самым еще более усиливая рассинхронизацию развития частей культуры и порождая новые культурные разрывы.

Следующий ключевой фактор нарастания изменчивости культуры с наступлением цифровой эпохи – это умножение возможностей для индивида выступать в роли субъекта культуры вследствие произошедшего перехода от массовой коммуникации к массовой самокоммуникации, определяемой в терминологии М. Кастьеса как «процесс интерактивной коммуникации, потенциально доступной для массовой аудитории, но в рамках которой производство сообщений осуществляется пользователем самостоятельно, как и обратный возврат сообщений, а восприятие и реструкту-

рирование контента, полученного из электронных коммуникационных сетей, – произвольно» [8, с. 4]. Самокоммуникация позволяет любому человеку быть услышанным в глобальном информационном пространстве, представить на всеобщее обозрение результаты своего творчества, транслировать собственные смыслы и ценности, либо внести упоминавшийся выше вклад в построение и наполнение виртуальной среды обитания, явить окружающим свою виртуальную субличность.

При этом важно отметить резко возросшие степень и «диапазон» воздействия индивида на культуру в качестве ее субъекта. С одной стороны – это широкая технологическая доступность изготовления разнообразного высококачественного аудиовизуального контента, способного обеспечить эффективное эмоциональное влияние на аудиторию (более интенсивно транслировать эмоциональную составляющую сообщения, в сравнении с абстрактной природой письменного текста). С другой стороны – «расширение» этических рамок коммуникации, обусловленное равенством (отсутствием статусов, четкой иерархии пользователей), ощущением анонимности и безнаказанности в инфокоммуникационных сетях, наличием «безопасной» дистанции, где пользователи в некотором смысле «ограждены» друг от друга, защищены расстоянием и монитором. Ссылаясь на М. Кастельса, исследователи указывают один из ведущих мотивов сторонников анонимности – желание скрыться по тем или иным причинам, в том числе посредством создания вымышленных виртуальных личностей для взаимодействия с другими пользователями. В таких условиях человек нередко теряет ценностные ориентиры и совершает поступки, неприемлемые для него в реальной жизни из-за страха наказания либо по иным причинам. В результате нивелируются принятые в обществе этические правила и нормы, истончается граница между свободой и ответственностью, нарушаются законы.

Следующий аспект влияния информационной эпохи на изменение культурного пространства – это резко возрастающая гетерогенность социокультурной среды вследствие умножающегося количества социокультурных общностей, появления их новых форм, в том числе «цифровых», и, как следствие, неких границ между ними.

Так, итальянский философ П. Вирно для обозначения подобных новых неоднородных и постоянно меняющихся общностей, характерных для производственных отношений постфордизма, использует категорию «множество», занимающую промежуточное положение между «индивидуальным» и «коллективным», противопоставляя ее традиционным социаль-

ным структурам, прежде всего категории «народ», и понимая под ней не обезличенную «людскую массу», а сообщество, в котором каждый человек сохраняет свою индивидуальность. При этом множества «не противопоставляются Единому, но заново его определяют ... Единство не является больше некой точкой (Государством, сувереном), притягивающей к себе все вещи, как это происходит в случае с народом, но становится скорее чем-то таким, что можно оставить позади в качестве фона или допущения. Многие должны мыслиться как индивидуация универсального, родового, разделяемого» [4, с. 17]. Соответственно, используемые философом в данном контексте категории «Единство как фон», «универсальное», «родовое», «разделяемое» уместно отнести к приведенной нами в определении культурного разрыва категории единящих культурных оснований.

Данный аспект содержательно прорабатывается в текстах ряда исследователей. Так, развивая концепцию фигуративной социологии Н. Элиаса, рассматривавшего людей не в единственном, а во множественном числе, как часть коллективов, групп и сетей, и подчеркивавшего, что сама их идентичность как уникальных индивидов существует только внутри и через эти сети или фигурации [25], А. Хепп в своей книге «Глубокая медиатизация» анализирует влияние технологий цифровой эпохи на процесс образования и трансформации общностей новой формы – фигураций, определяемых автором как констелляции взаимосвязанных и взаимозависимых людей, в современном состоянии всесторонне переплетающиеся с цифровыми медиа и их инфраструктурами. Каждый человек живет на пересечении различных фигураций, в которых он участвует и развивается [22]. Цифровые технологии, как новые способы коммуникации, взаимодействия и вовлечения людей, включающие социальные сети, мессенджеры, информационные платформы, поисковые сервисы, инструменты таргетирования и пр., дают возможности для образования бесконечного числа новых фигураций, часть из которых становится основанием для возникновения новых культурных разрывов.

Помимо обозначенных тенденций и оснований нарастания гетерогенности культурного пространства, обусловленного воздействием инфокоммуникационных технологий, качественные изменения информационной эпохи затронули также динамику образования и трансформации культурных противоречий, связанных с формированием культурных разрывов.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на процесс поляризации и сонаправленность (со-направление) данных противоречий. На наш взгляд, его специфика состоит в изменении ранее хаотичного по-

ложения векторов их воздействия – на параллельное и направленное в сторону формирующихся «полюсов» – противостоящих друг другу культурам, которые, в терминах синергетической парадигмы, выступают атTRACTорами, выстраивающими определённым образом и усиливающими ранее существовавшие противоречия в культуре. Эти «полюса-атTRACTоры» формируют множество новых противоречий, в силу чего стороннему наблюдателю далее предстает уже не некая их совокупность, обусловленная конкретными культурными различиями, а само противостояние этих взаимоотрицающих «полюсов»: религиозных конфессий, этносов, рас, социальных классов, субкультур и пр. [13]. Иными словами, рассматриваемые со-направление и поляризацию можно охарактеризовать как процесс смещения понимания в общественном сознании природы и причинности культурных противоречий от уровня особенного (единичного, индивидуального) к уровню всеобщего: с обусловленности противоречий в их предметной области на саму принадлежность противостоящих ценностей и смыслов к «чуждой» культуре, в том числе с выработкой в общественном сознании каждой из культур генерализованного представления о «негативных свойствах» «чуждой» культуры и ее представителей. К крайней степени данного процесса можно отнести абсолютизацию и идеологизацию культурных противоречий, вплоть до манипулятивного вовлечения в сферу межкультурного противостояния проблематики, не имеющей обусловленности в отношении особенностей конкретных культур, включая, например, ситуации всеобщего дефицита ресурсов или неблагоприятные макроэкономические условия. Так, например, в наступлении засухи или эпидемии в прошлом могли быть обвинены последователи иного вероисповедания, а причиной экономических неурядиц могли быть представлены «злонамеренные действия» людей определенной национальности и проч.

Следует отметить, что термин «поляризация» уже используется социальной психологией применительно к ситуациям межгрупповых противоречий и конфликтов. Так, американский ученый Касс Санстейн, исследуя природу группового принятия решений, выделяет феномен групповой поляризации, состоящий в склонности группы единомышленников к выработке наиболее крайних позиций при обсуждении некоторых проблем, при резком снижении разнородности мнений по соответствующей тематике внутри группы. Если же обсуждение происходит между группами, придерживающимися противоположных мнений, особенно если эта дискуссия целенаправленно и профессионально «подогревается» отдельными участниками, конфликт может перейти в самые радикальные

формы, включая физическую агрессию [24].

Инфокоммуникационные технологии, и прежде всего – социальные сети, резко умножили возможности как для групповых обсуждений проблематики культурных противоречий, так и для целенаправленного «подогрева» заинтересованными сторонами остроты подобных дискуссий. С одной стороны – вследствие обозначенного выше роста числа социокультурных общностей, обусловленного способностью людей объединяться в группы в социальных сетях, даже если они находятся на расстоянии тысяч километров друг от друга. При этом, как показывает практика, такое объединение может происходить буквально в течение нескольких минут, и один человек в течение дня нередко принимает активное участие в десятках подобных групп, формирующихся вокруг общих интересов или проблематики. С другой стороны – в результате возникновения новых «цифровых» форм и способов повышения эмоциональной остроты и степени конфликтности групповых обсуждений.

Так Интернет способствовал появлению специфической практики «хейтинга» (от англ. to hate – ненавидеть) – унижающего онлайн-поведения, согласно психологическим исследованиям, свойственного людям с определенным уровнем психопатии. По определению А. О. Мозговой, «хейтерами» в интернет-коммуникации называют агрессивных людей, которые с сарказмом, злобой и ненавистью (возможно скрытой и завуалированной) обсуждают кого-нибудь или какую-либо тему в Сети [14]. «Хейтинг» также изучается лингвистами, акцентирующими внимание на языковых структурах сообщений и специфических признаках верbalного выражения. Согласно высказываниям ряда исследователей, социализация в Интернете происходит в условиях значительного разрыва между поколениями в степени освоения цифровых технологий, что нарушает традиционные механизмы передачи культурного опыта от родителей к детям и тем самым влияет на искажение культурных норм в сети. Принципиально важно добавить к изложенной точке зрения то, что «хейтер» не только теряет связь со старшим поколением, но и появляется в таком качестве в результате разрыва в преемственности социокультурного опыта как прерывания единящих культурных оснований. Сарказм, злоба и ненависть «хейтеров», на которых акцентируют внимание все без исключения исследователи, принципиально не являются чем-то уникальным, но в цифровую эпоху определенно приобретают солидный размах. Человек получил возможность почти неограниченно транслировать свою агрессию, которая теперь становится доступной для миллионов людей и может поддерживаться миллионами. И как результат, многие пользо-

ватели Интернета, испытывающие схожие эмоции, стихийно объединяются в группы, без какого-либо сговора, без контролирующего органа, образуя агрессивно настроенные массы.

Существуют также специальные исследования, посвященные специфике проявления расизма, экстремизма и ксенофобии в сети Интернет. А. В. Иванов, исследуя расизм новой формации, развивающейся в социальных сетях, отмечает наметившуюся «эволюцию от умеренных расологических групп в социальных сетях до откровенно праворадикальных с откровенной нацистской программой». Автор отмечает наличие в одной из популярных российских соцсетей не менее 140 «расологических» групп по состоянию на 2017 г. Участник такого сообщества, первоначально следя личным интересам, постепенно переориентируется на солидарность с группой, социализируясь через смыслы и символы неорасистской идеологии. По мнению автора, социальные сети используются для конструирования экстремистских сообществ посредством намеренного искажения культурных норм и ценностей: «Формируется основная конфликтная тема, носящая этнический, религиозный или иной характер ... Создаются слоганы, мемы и демотиваторы, которые эмоционально заряжают массы» [6, с. 155].

Интернет катализирует националистические взгляды и межнациональные противоречия, привлекая внимание широкой аудитории. Демонстрация приверженности национальной культуре в социальных сетях, нередко проявляемая ярче, чем в реальном социуме, способствует укреплению национальной идентичности, но будучи транслируемой с акцентом на межнациональные культурные противоречия, усиливает культурный разрыв, обостряет национальную рознь. При этом зачастую именно негативные коннотации набирают особую популярность. Е. И. Ключко, исследуя статистически измеряемые реакции пользователей информационных ресурсов националистического содержания, приходит к выводу о доминировании групп, обсуждающих «политические проблемы и этнические претензии ... в сравнении с группами, посвященными традициям, языку и истории предков» [10, с. 50].

Националистическая, религиозная или атеистическая риторика не обходится без деструктивной критики культуры. В отечественной и зарубежной науке существуют исследования, посвященные современной культурной дискриминации. Наряду с хейтерством, характерным явлением в Интернете, представляющим собой более легкую форму деструктивного поведения, является «троллинг», исследуемый сегодня многими учёными, который возможно рассматривать как инструмент подобной дискриминации. Как правило, люди, практикующие «троллинг», имеют заранее

определенную цель – унизить человека или сообщество, дискредитировать отдельные идеи и ценности или даже культуру в целом. Чаще всего «троллинг» интерпретируют как способ освобождения от накопившихся негативных эмоций, самоутверждения за счет оппонента, что усиливается чувством анонимности и безнаказанности в сети. Естественно, «троллинг» в принципе не предполагает диалог со стремлением к взаимопониманию. Этим он принципиально отличается от дискуссии и иных форм диалога, что возможно квалифицировать не только как поведение конкретного человека, но и как инструмент информационной войны, включая целенаправленную деятельность коммерческого характера с применением специально созданных программ, имитирующих высказывания реальных людей.

Массовые практики «троллинга» и «хейтинга», прямо воздействующие на личность, ее внутренний мир, ее ценности, убеждения, вкусы, эмоции и чувства, позволяют говорить о формировании в Интернете своего рода «культуры насилия». Так, например, Е. В. Щетинина говорит именно о «культуре» насилия в сети, выделяя следующие ее признаки: экстремистский характер лозунгов; политическая интерпретация социально-экономических проблем; романтизация преступности; распространение деятельности деструктивных сообществ; пропаганда насилия в качестве нормальной, самоценной и публично поощряемой деятельности [19].

В последние два десятилетия в социально-гуманистических исследованиях появился термин «умная толпа» (от англ. «smart mob»). Г. Рейнгольд назвал так свое самое известное исследование, посвященное проблеме изменения человеческого поведения в условиях всеобщей доступности мобильных инфокоммуникационных технологий. Основываясь на личных наблюдениях, психологических исследованиях и статистике, автор сделал следующий вывод: «...беспроводные сети и коллективы, совместно осуществляющие супервычисления, объединяют одно: они позволяют людям совместно действовать в условиях, прежде этого не допускавших» [16, с. 13–15]. Беспроводные технологии в совокупности с высокой скоростью передачи информации создают условия как для конструктивного взаимодействия (одним из хрестоматийных примеров такого в недавнем прошлом являлся проект «Википедия», впоследствии, однако, проявивший выраженную политическую ориентированность, включая «каноническое редактирование отдельных страниц спецслужбами ряда стран» [9, с. 80]), так и для массовой неконтролируемой агрессии, «травли», надругательств над ценностями, прошлым, конкретной личностью, сообществом и т. д. Культура насилия

в Интернете нарушает свободу людей, попадающих в категорию жертв, объектов информационных атак. Человеку ничего не остается, как подавлять свое желание высказаться, если его высказывание заведомо не согласуется с мнением толпы, вооруженной инфокоммуникационными технологиями.

Зачастую авторы анализируют формирование и поведение толпы в политическом контексте, то есть как результат целенаправленного воздействия политических акторов. По мнению О. В. Джиган, разнородные по составу виртуальные толпы огромной численности могут создаваться мгновенно и действовать согласованно. «Последствия возможного использования этого феномена правительством какой-либо страны ради собственной выгоды непредсказуемы» [5]. Сам Г. Рейнгольд рассматривал сетевую толпу как силу, способную совершить «бархатную», бескровную революцию, ослабить власть правительства, ниспровергнуть политического лидера [16, с. 229].

Г. Кехлер акцентировал внимание на связи виртуальной толпы с психологией толпы прошлого, ссылаясь на классические труды Г. Лебона, отмечавшего: «... исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении – главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации, не требуют непременного и одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте» [9, с. 78]. Однако, в отличие от классических «толп», исследователь выделяет ряд специфических признаков виртуальной толпы, включая моментальную передачу информации с широчайшим охватом аудитории, в том числе в аудиовизуальной форме, «апеллирующей к эмоциям – а значит, к внушаемости индивидов в толпе»; сетевую анонимность и результирующие недостаток личной ответственности, возможность скрытого управления действиями масс; высокую волатильность и ненадежность поведения виртуальной толпы; возможность «практически мгновенно превратить любой тренд в мегатренд» без его «проверки на реальность», как следствие одновременности и повсеместности интерактивных коммуникаций; инструменты соцсетей, дающие пользователям «почувствовать себя способными создавать новые общественные реалии»; мобилизующую общество силу соцсетей, основанную на «эффекте снежного кома» при распространении информации [9].

Поляризующее воздействие соцсетей и виртуальных толп на формирование культурных противоречий усугубляется широко распространившейся практикой так называемого «астротурфинга». Новый феномен представляет собой искусственное формирование общественного мнения посредством тематических

высказываний множества, выдаваемых за реальных людей ложных пользователей, имитирующих человека программных агентов, именуемых ботами или социальными ботами (сокр. от software robots) [20], представляющих собой поддельные учетные записи, действия от имени которых в соцсетях управляются специальным программным обеспечением. Эффективность астротурфинга основывается на изначально большем доверии пользователей к таким же «обычным людям», как они сами, чем к потенциально ангажированным СМИ, скрыто преследующим сторонние интересы. И следует отметить, масштабы воздействия астротурфинга и социальных ботов на интернет-аудиторию исключительно велики. По оценкам одной из крупнейших мировых социальных сетей, по состоянию на 2014 год 8,7% (83 млн) зарегистрированных в ней учетных записей не принадлежали реальным пользователям [21]. Согласно исследованию российских авторов, в 2017 году социальная сеть ВКонтакте содержала 41% учётных записей с недостоверной информацией о пользователях [11].

Несомненно, создание ложных учетных записей и управление их действиями в сети производится с определенными целями, направленными в том числе на усиление культурных противоречий и поляризацию их содержания. По мнению американских исследователей, социальные боты могут влиять на политические предпочтения избирателей, котировки ценных бумаг на фондовом рынке, распространение панических настроений во время стихийных бедствий и техногенных катастроф, а также препятствовать реализации государственных задач, создавая в Интернете иллюзию тематического общественного движения или повышая остроту политического дискурса [22].

Современные инфокоммуникационные технологии способствуют формированию новых объективных условий для искажения передачи и восприятия информации, в том числе, по мнению Г. Кехлера, вследствие вероятной девальвации рационального аргумента до эмоциональной реакции, происходящей не только из-за аудиовизуального содержания коммуникации в социальных медиа, но и «благодаря “фактору реального времени”, т. е. огромной скорости распространения контента, не оставляющей достаточного времени на рефлексию» [9, с. 83]. Н. Хомский отмечал, что легкий доступ к любой информации в Интернете и преобладающий в соцсетях обмен сиюминутными краткими сообщениями вместо аргументированного текста стимулируют снижение способности людей к рациональному мышлению: «Измерить степень деградации нельзя, но бьюсь об заклад: именно деградация ныне и происходит» [17].

Согласно П. Вирно, в современной культурной индустрии распространяется так называемая «деятельность без произведения», или «коммуникативная деятельность, которая имеет завершение в самой себе, является характеризующим, центральным и необходимым элементом» [4, с. 61], «коммуникация, ставшая товаром», который «начиная с какого-то момента, затрагивает все секторы индустрии» [4, с. 61–67], может тиражироваться и воспроизводиться, выполняя функции развлечения, убеждения, внушения и т. д.

И в этой же логике интерпретации концепции Ж. Бодрийяра ряд исследователей отмечают, что медиа поставляют потребителям, прежде всего, зрелища, где на первый план выступает не достоверность информации, а тот эффект, который она окажет на зрителя [1]. Зритель потребляет образы и знаки, удовлетворяя свое любопытство и чувствуя себя в безопасности. Однако осознание своей пассивной позиции может спровоцировать у людей появление чувства вины, и для разрешения этого противоречия «вмешивается зрелищная драматизация, осуществляемая средствами массовой информации» [2]. Экранные образы, дающие, как кажется зрителю, исчерпывающее представление о внешнем мире, изображают его жестоким и опасным, оправдывая отчужденный от реальности образ жизни и отдавая приоритет спокойствию и защищенности. При этом человек оказывается беззащитен перед огромным количеством беспрепятственно поступающих сведений, уже не просто становясь жертвой экрана, а сам выступая в роли экрана, на который проецируются внешние влияния. Согласно Ж. Бодрийяру, такое бесконтрольное навязывание и бездумное потребление знаков приводит к исчезновению настоящего, уникального мира как такого, ведь он утрачивает и свое содержание, и свою ценность [2]. Медийные образы, симулякры высшего порядка, автономны, самоценны, самодостаточны, и не связаны с референцией – за ними нет никакой «реальности». Более того, образ и есть единственная реальность: «симуляция – это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она – порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального»; «... теперь ключья территории медленно тлели бы на пространстве карты» [3, с. 5–6].

Таким образом, медиатехнологии формируют измененную, альтернативную действительность, способствуя подаче материала в более «зрелищном» аспекте, в сопровождении драматизированных оценок, интерпретаций и прогнозов. «Новости» придумываются, чтобы удивить публику, привлечь внимание. Степень информационного загрязнения в цифровую эпоху достигла беспрецедентного уровня. В оборот

вошел неологизм «fake news» (англ. «ложные новости»), а в журналистике обострилась актуальность «фактчекинга» (проверки достоверности фактов) [7]. Усугубляют ситуацию возникшие в соцсетях феномены, искажающие передачу и восприятие информации вследствие избирательного (персонализированного) действия алгоритмов, опосредующих продвижение контента в зависимости от предпочтений пользователей. Исследователи выделяют «эпистемические пузыри» и «эхо-камеры», определяемые как социальные эпистемологические структуры, сформированные на основе групп единомышленников, в которые не соответствующая им мировоззрению информация не проникает либо активно подавляется и дискредитируется [23]. Также существуют математические подтверждения многократного превосходства скорости и масштабов распространения в социальных сетях ложной информации в сравнении с достоверной [26].

Заключение

Резюмируя изложенное, на наш взгляд, уместно утверждать, что интенсивность образования культурных разрывов в информационную эпоху многократно возросла вследствие технологических, социальных и политических изменений, приводящих к утрате целостности культуры и нарастанию степени ее гетерогенности. Сюда можно отнести рост числа субъектов культуры и обособленных социокультурных общностей, появление их новых «цифровых» форм, расширение культурного пространства за счет глобализационных процессов, появление виртуальной реальности, интерактивного формирования новых культурных «полей», умножение возможностей для индивида выступать в роли субъекта культуры. Особую роль приобретает широкая технологическая доступность изготовления аудиовизуального контента для эмоционального влияния на аудиторию, «расширение» этических рамок коммуникации как результат анонимности и безнаказанности в инфокоммуникационных сетях, нарушения преемственности социокультурного опыта между поколениями. И как следствие негативных эффектов массовой интернет-коммуникации, развития специфических практик деструктивного общения в сети, действий ангажированных анонимных акторов посредством поддельных виртуальных личностей и специальных программных средств, происходит усиление поляризации условий, оснований и содержания культурных противоречий и их абсолютизации. Кроме того, в социальных медиа интенсифицируются масштабы и разнообразие деятельности, связанной с дезинформированием пользователей, информационным загрязнением, культивированием агрессивного поведения и воспроизведением «культуры насилия»,

а также объективно возникающие закономерности искажения передачи и восприятия информации в таких системах, позволяют говорить о возникновении в цифровую эпоху культурных разрывов, основывающихся на искусственно сформированном прерывании единящих культурных оснований, в сочетании с вымышленными либо многократно преувеличенными культурными противоречиями.

Таким образом, исследованные нами особенности культурного разрыва в условиях информационной эпохи позволяют рассматривать данный феномен, как не имеющий зачастую объективных оснований в реальной действительности, как являющийся лишь репрезентацией конструкта, референцией без рефераента, который, однако, способен в своих конкретных выражениях формировать новую реальность, влияя на отношения между людьми и создавая новые основания для межкультурного антагонизма.

На наш взгляд, следовало бы признать состоявшийся парадигмальный сдвиг, согласно которому фрагментированность культурного пространства до-информационной эпохи, представляющая собой своего рода эрозию онтологических оснований самого широкого спектра, в постсовременную эпоху обретает силами информационных возможностей и цифровых технологий новое квазионтологическое культурное пространство, основанное на репрезентации и самопрезентации конструируемых феноменов, процессов

и состояний, способных формировать культурное пространство без необходимости наличия в нем референтов, внутри которого и оформляется культурный разрыв цифрового общества.

И если мы самым серьезным образом поставим вопрос о путях достижения гармоничного сосуществования людей в условиях современного культурного разнообразия, то необходимая в этом процессе реализация специального комплекса мер в сфере воспитательной и образовательной деятельности, массовых коммуникаций и социальных медиа, сможет быть эффективной только при условии ее формирования с учетом обозначенного выше парадигмального сдвига.

Основываясь на полученных результатах, исследование будет продолжено в направлении определения способов преодоления культурного разрыва в бытии человека с учетом представленных в настоящей работе особенностей культуры информационной эпохи и их влияния на механизмы и динамику формирования исследуемого феномена.

Таким образом, рассмотрение феномена культурного разрыва в предлагаемом ракурсе и представленные в статье результаты дают возможность дальнейшего развернутого исследования в направлении выявления способов его преодоления в бытии человека информационной эпохи в условиях мультикультурализма, глобализации, цифровизации.

Литература

1. Ажимова Л. В. Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3 (19). – С. 101–110. – EDN: PZZJYB.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
4. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. А. Петровой, под ред. А. Пензина. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 176 с.
5. Джиган О. В. Философские аспекты использования сетевых технологий // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2015. – № 1 (5). – С. 110–115. – С. 114. – EDN: TPCSGJ.
6. Иванов А. В. Портрет неорасиста в системе координат «свой – чужой» в социальных сетях // Казанский педагогический журнал. – 2017. – № 5 (124). – С. 153–158. – EDN: ZSSFSZ.
7. Калинина Н. В. Фактчекинг в работе современного журналиста и СМИ // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 88. – С. 122–124. – EDN: GTRSZY.
8. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 591 с.
9. Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 4. – С. 75–87. – EDN: QIVPMH.
10. Ключко Е. И. Воздействие Интернета на националистические настроения // Социальная политика и социология. – 2014. – Т. 2, № 4–1 (105). – С. 48–53. – EDN: UXZUXX.
11. Мелешкина И. И., Бегичева С. В. Кибербуллинг и астротурфинг как виртуальная агрессия // Современные информационные технологии: проблемы и перспективы развития. Материалы I Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 108–113. – EDN: MYLZEV.

12. Минченко А. Н. Культурный разрыв в контексте медиа и интернет-технологий // После постпозитивизма: материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки, Саратов, 08–10 сентября 2022 года. – М. : Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2022. – С. 759–764. – EDN: MRCPAJ.
13. Минченко А. Н. Культурный разрыв: к проблеме определения феномена и его основных признаков // Социум и власть. – 2023. – № 1 (95). – С. 100–108. – <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2023-1-100-108>. – EDN: LGVMXW.
14. Мозговая А. О. Провокационные стратегии троллинг и хейтинг в немецкоязычных Интернет-текстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (831). – С. 119–131. – EDN: WXCHEE.
15. Прокудин Д. Е. Пределы информационной культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – Т. 2, № 3–1. – С. 63–70. – EDN: KWPSCP.
16. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.
17. Хомский Н. Системы власти. Беседы о глобальных демократических восстаниях и новых вызовах американской империи. КоЛибри: 2014. – 256 с.
18. Шалютина Н. В. Глобализация и культурный плюрализм // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2007. – № 2 (7). – С. 198–202. – EDN: IWQWPL.
19. Щетинина Е. В. Проблемы развития культуры насилия в интернет-пространстве // Инновационное развитие профессионального образования. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 127–130. – EDN: XRZRML.
20. Ferrara E., et al. (2016) The Rise of Social Bots. *Communications of the ACM*, Vol. 59, No. 7, pp. 96–104. – <https://doi.org/10.1145/2818717>. (In Eng.).
21. Fire M., et al. (2013) Friend or foe? Fake profile identification in online social networks. *Social Network Analysis and Mining*, Vol. 4, No. 1, pp. 1–23. – <https://doi.org/10.1007/s13278-014-0194-4>. (In Eng.).
22. Hepp A. (2020) Deep Mediatization. Publishing house «London: Routledge. Taylor & Francis Group», 261 p., pp. 12–15. (In Eng.).
23. Nguyen C. (2018) Echo chambers and epistemic bubbles. *Episteme*, Vol. 17, No. 2, pp. 1–21. – <https://doi.org/10.1017/epi.2018.32>. (In Eng.).
24. Sunstein Cass R. (2009) Going to extremes: how like minds unite and divide. Oxford: Oxford University Press, Inc. – 208 p. (In Eng.).
25. Van Krieken R. (2001) Norbert Elias and Process Sociology. University of Sydney. Published in: *The Handbook of Social theory*, edited by George Ritzer & Barry Smart, London: Sage, pp. 353–367. (In Eng.).
26. Vosoughi S., Roy D., & Aral S. (2018) The spread of true and false news online. *Science* Vol. 359, No. 6380, pp. 1146–1151. – <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>. (In Eng.).

References

1. Azhimova, L. V. (2012) [Jean Baudrillard on the Phenomenon of Mass Communications in Consumer Society]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East]. Vol. 3 (19), pp. 101–110. (In Russ.).
2. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury* [Consumer Society. Its Myths and Structures]. Moscow: Respublika; Cultural Revolution, 269 p.
3. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulations]. Moscow: POSTUM Publishing House, 240 p. (In Russ., transl. from French).
4. Virno, P. (2013) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni* [Grammar of the Multitude: Toward an Analysis of Forms of Modern Life]. M.: OOO Ad Marginem Press, 176 p. (In Russ., transl. from Ital.).
5. Dzhigan, O. V. (2015) [Philosophical aspects of using network technologies]. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya* [Economic and social-humanitarian studies]. Vol. 1 (5), pp. 110–115. (In Russ.).
6. Ivanov, A. V. (2017) [Portrait of a neo-racist in the «friend or foe» coordinate system in social networks]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. Vol. 5 (124), pp. 153–158. (In Russ.).
7. Kalinina, N. V. (2020) [Fact-checking in the work of a modern journalist and the media]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Amur State University. Series: Humanities]. Vol. 88, pp. 122–124. (In Russ.).
8. Castells, M. (2020) *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. M.: Publishing house of the Higher School of Economics, 591 p.

9. Koehler, G. (2013) [New Social Media: A Chance or an Obstacle to Dialogue?]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Research]. Vol. 4, pp. 75–87. (In Russ.).
10. Klyuchko, E. I. (2014) [The Impact of the Internet on Nationalist Sentiments]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology]. Vol. 2, No. 4–1 (105), pp. 48–53. (In Russ.).
11. Meleshkina, I. I., Begicheva, S. V. (2017) [Cyberbullying and Astroturfing as Virtual Aggression]. *Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii: problemy i perspektivy razvitiya. Materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern Information Technologies: Problems and Prospects of Development. Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference]. pp. 108–113. (In Russ.).
12. Minchenko, A. N. (2022) [Cultural Gap in the Context of Media and Internet Technologies]. *Posle postpozitivizma: materialy Tret'ego Mezhdunarodnogo Kongressa Russkogo obshchestva istorii i filosofii nauki, Saratov, 08–10 sentyabrya 2022 goda* [After Postpositivism: Proceedings of the Third International Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science, Saratov, September 08–10, 2022]. M.: Interregional Public Organization «Russian Society for the History and Philosophy of Science», pp. 759–764. (In Russ.).
13. Minchenko, A. N. (2023) [Cultural Gap: On the Problem of Defining the Phenomenon and Its Main Features]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. Vol. 1 (95), pp. 100–108. –<https://doi.org/10.22394/1996-0522-2023-1-100-108>. (In Russ.).
14. Mozgovaya, A. O. (2020) [Provocative strategies of trolling and hating in German-language Internet texts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. Vol. 2 (831), pp. 119–131. (In Russ.).
15. Prokudin, D. E. (2009) [Limits of information culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. Vol. 2, No. 3–1, pp. 63–70. (In Russ.).
16. Reingold, G. (2006) *Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya* [Smart Crowd: New Social Revolution]. Moscow: FAIR-PRESS, 2006. – 416 p. (In Russ., transl. from Eng.).
17. Chomsky, N. (2014) *Sistemy vlasti. Besedy o global'nykh demokraticeskikh vosstaniyakh i novykh vyzovakh amerikanskoy imperii* [Systems of Power. Conversations on Global Democratic Uprisings and New Challenges to the American Empire]. KoLibri, 256 p.
18. Shalyutina, N. V. (2007) [Globalization and Cultural Pluralism]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences]. Vol. 2 (7), pp. 198–202. (In Russ.).
19. Shchetinina, E. V. (2018) [Problems of Developing a Culture of Violence in the Internet Space]. *Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya* [Innovative Development of Professional Education]. Vol. 18, No. 2, pp. 127–130. (In Russ.).
20. Ferrara, E., et al. (2016) The Rise of Social Bots. *Communications of the ACM*, Vol. 59, No. 7, pp. 96–104. –<https://doi.org/10.1145/2818717>. (In Eng.).
21. Fire, M., et al. (2013) Friend or foe? Fake profile identification in online social networks. *Social Network Analysis and Mining*, Vol. 4, No. 1, pp. 1–23. –<https://doi.org/10.1007/s13278-014-0194-4>. (In Eng.).
22. Hepp, A. (2020) Deep Mediatization. *Publishing house «London: Routledge. Taylor & Francis Group»*, 261 p., pp. 12–15. (In Eng.).
23. Nguyen, C. (2018) Echo chambers and epistemic bubbles. *Episteme*, Vol. 17, No. 2, pp. 1–21. –<https://doi:10.1017/epi.2018.32>. (In Eng.).
24. Sunstein, Cass R. (2009) Going to extremes: how like minds unite and divide. *Oxford: Oxford University Press, Inc.* 208 p. (In Eng.).
25. Van, Krieken R. (2001) Norbert Elias and Process Sociology. University of Sydney. Published in: *The Handbook of Social theory*, edited by George Ritzer & Barry Smart, London: Sage, pp. 353–367. (In Eng.).
26. Vosoughi, S., Roy, D., & Aral S. (2018) The spread of true and false news online. *Science* Vol. 359, No. 6380, pp. 1146–1151. –<https://doi.org/10.1126/science.aap9559>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Андрей Николаевич Минченко, выпускник аспирантуры, научная специальность 5.7.8. Философская антропология, философия культуры, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

ORCID iD: 0009-0003-2136-5818

e-mail: ma-n@bk.ru

Статья поступила в редакцию: 03.12.2024; принята в печать: 21.03.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Andrei Nikolaevich Minchenko, postgraduate student, scientific specialty 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia
ORCID iD: 0009-0003-2136-5818
e-mail: ma-n@bk.ru

The paper was submitted: 03.12.2024.
Accepted for publication: 21.03.2025.
The author has read and approved the final manuscript.